

10. Полярная звезда. 1928. Годовая подшивка.
11. ГАКК. Ф. Р-166. Оп. 1. Д. 12.
12. Там же. Ф. Р-89. Оп. 1. Д. 2.
13. Там же. Ф. Р-166. Оп. 1. Д. 16.
14. Полярная звезда. 1929. Годовая подшивка.
15. Там же. 1930. Годовая подшивка.
16. ГАКК. Ф. Р-166. Оп. 1. Д. 16Б.
17. Там же. Д. 16А.
18. Камчатская правда. 1933. Годовая подшивка.
19. ГАКК. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 4.
20. Камчатская правда. 1934. Годовая подшивка.
21. ГАКК. Ф. Р-57. Оп. 1. Д. 2.
22. Там же. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 11.
23. Там же. Д. 11Б.
24. Камчатская правда. 1936. Годовая подшивка.
25. ГАКК. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 12.
26. Там же. Д. 14.
27. Камчатская правда. 1937. Годовая подшивка.
28. Камчатская правда. 1940. Годовая подшивка.
29. ГАКК. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 21.
30. *Моргалев Н. И.* Поиски пушек, Командоры. Пробный вариант. Штурм бухты Командор // Краеведческие записки / Камч. обл. краевед. музей. Петропавловск-Камчатский, 1995. Вып. 9. С. 163–171.
31. ГАКК. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 25.
32. Там же. Ф. Р-57. Оп. 1. Д. 3.
33. Там же. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 91.
34. Там же. Д. 95.
35. Там же. Д. 102.
36. Там же. Ф. Р-166. Оп. 1. Д. 77.
37. Там же. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 101.

П. А. Головнин
ЯПОНСКИЙ КУПЕЦ ТАКАТАЯ КАХЭЙ НА КАМЧАТКЕ:
ИЗ ИСТОРИИ РОССИЙСКО-ЯПОНСКИХ ОТНОШЕНИЙ
НАЧАЛА XIX в.

Аннотация. Японского купца Такатая Кахэй в 1812 г. доставил капитан П. И. Рикорд на Камчатку в отместку за задержание капитана В. М. Головнина на Кунашире в 1811 г. и поселил его в своем доме в Петропавловске. Кахэй рассказывал Рикорду о японском государстве, обычаях, нравах и дал совет Рикорду, как добиться освобождения В. М. Головнина из японского плена. Рикорд весной 1813 г. высадил Кахэя на Кунашире, и тот способствовал мирному разрешению конфликта. Осенью 1813 г. русские моряки прибыли на Камчатку. В Японии Кахэю поставлены 4 памятника в честь его заслуг, а на Камчатке, в парке «Налычево», именами Головнина, Рикорда и Кахэя названы безымянные горы.

Ключевые слова: Рикорд, Кахэй, Головнин, Камчатка, Добель, российско-японские отношения в XIX в.

P. A. Golovnin
JAPANESE MERCHANT TAKATAYA KACHEY IN KAMCHATKA:
OF THE HISTORY OF RUSSIAN-JAPANESE RELATION
AT THE BEGINNING OF THE XIX CENTURY

Abstract. Captain Ricord supplied Japanese merchant Takataya Kachey to Kamchatka in 1812, and they lived in one house, where Kachey told about Japan and gave advice for the delivery Golovnin's group.

In 1813 Kachey asked a merchant Dobel to present two sabres for the Russian Emperor. In Japan for the very big merit Kachey puts 4 monuments and in Kamchatka his name has a mountain in park Nalichevo.

Key words: Ricord, Kachey, Golovnin, Kamchatka, Dobel, Russian-Japanese relations.

Путешественник, коммерсант и авантюрист ирландского происхождения Петр Васильевич Добель (1777–1852) встретился в Кантоне с капитаном И. Ф. Крузенштерном (1770–1846) в 1804 г., оказал ему значительную услугу, за что награжден был Высочайше пожалованным бриллиантовым перстнем. Он принял русское подданство, записался в купцы 2-й гильдии, получил чин надворного советника и женился на русской крепостной девушке Дарье Андреевне Дашутко, выкупив ее из крепостной зависимости.

Узнав, что Камчатка нуждается в продовольствии и доставлении туда предметов первой необходимости, он снарядил два судна, и в августе 1812 г. прибыл в Петропавловский порт. На Камчатке он прожил до февраля 1813 г. Осмотрев и объехав Камчатку, он оставил в Петропавловске комиссионера, а сам отправился в Петербург.

В это же время в Петропавловске в одном доме с капитаном П. И. Рикордом (1776–1855) жил его пленник японец Такатая Кахэй (1769–1827). Добель записал эти встречи в своем дневнике: «во время пребывания моего в Петропавловском порте, познакомился я с японским чиновником Такатая-Кахи, который был привезен туда на фрегате „Диана“ капитаном Рикордом, для лучшего посредства к освобождению капитана Головнина, захваченного в плен и посаженного в тюрьму в Японии.

Слуга, китаец, при мне бывший, мог без большого затруднения объясняться с Такатая-Кахи по японским письмам (японский язык на письме имеет великое сходство с китайским, так что люди обеих наций понимают друг друга на бумаге, но не могут разговаривать на словах, потому, что произношение совершенно различно); по-английски же разумел и говорил хорошо. Мне было удобно чрез него сообщать мои мысли японцу. Который был человек весьма понятный и взаимно изъявлял свои мнения и чувствования о разных предметах. Он показал мне гораздо большие познания и ученость, нежели каковыя я находил в китайцах равного с ним состояния, и из сего я сделал заключение, как уже и прежде было утверждаемо, что японцы и умнее и учнее китайцев. Он усердно старался распространить свои сведения, делая всегда разумные вопросы о европейских обычаях, политике, религии, образе жизни и о прочем, малоизвестном в его Отечестве. Чрезмерное удивление возбудили мы в нем, показав на карте Российскую Империю, занимающую более шестой части всего известного земного шара; оное еще увеличилось, когда сказали, что сия Империя управляется токмо одним Императором и толико любимым своим народом, что Он без всякой стражи свободно ходит посреди онаго, Сам лично командует армиями, и в сие время находится в действительной войне, в отдалении и от своего Государства, по одержании многих славных побед над французами, ворвавшимися было в пределы Российские!!! „Япония, сказал он, пространством мала в сравнении с тем, какое занимает Россия, но она многолюдна, и у нас два Императора, да мы и не понимаем, как возможно хорошо управлять нацією без двух, одного духовного, а другого светского“. Когда же несколько истолковали ему отношение Духовенства в Европе, то он, казалось, понял нашу систему, но сказал: „весьма много изумляет меня, что Императорской власти в такой отдаленности и с такою исправностью повинуются, как то вижу я в Камчатке“. Он много хвалил положение полуострова Камчатка и говорил, что Курильские острова походят на мост, сделанный натурою, для сообщения онаго с Япониею и чрезмерно сожалел, что древняя политика его правительства препятствует японцам иметь свободное обращение и коммерцию с Восточною Россиею, от чего проистекла бы великая выгода обоим Государствам. Он исчислял многие произведения Филиппинских и Малайских островов, в которых они весьма нуждаются, и которые могли бы удобно привозиться посредством Камчатки в Японию, на обмен их мануфактурных изделий. Беседуя со мною о разных предметах, он всегда изъявлял восторг и благоговейное почтение к Императору Российскому, столько отличному от Императоров Японских. Однажды поутру, вскоре после завтрака, к великому моему удивлению, в сей ранний час пришел ко мне Такатая-Кахи, со всеми своими японцами. Я поднялся было с места, дабы встретить его; но он усиленно знаками показывал, чтобы я сел, и, взявши у одного из сопровождавших его, большую подушку, убранный красной шелковою материею, на которой находилась японская сабля, поднял обеими руками выше себя и потом опустил до низу, головою своею почти касаясь до полу. Сию церемонию повторял он девять раз, потом взял саблю с подушки, положил на стол, и сделал некоторое приветствие речью, которую мой китаец изъяснил следующим образом: от частых бесед с капитаном Рикордом и мною, он возымел самое высокое мнение и ду-

шевную приверженность к добродетелям Его Императорского Величества, Российского Государя, и, узнавши, что я отправляюсь в Санкт-Петербург, и вероятно достигну щастия видеть сего превосходного Самодержца, вручил мне свою любимую саблю, для поднесения Его Императорскому Величеству, с таковою же почтительностью, в знак чувствования высокопочитания и благоговения, коими он исполнен к толико мужественному Монарху, который управляет обширным Государством и так легко. (Сия сабля и другие редкости были отданы Его Сиятельству господину Обер-гофмаршалу графу Н. А. Толстому, для положения оных в Эрмитаж, по повелению Его Императорского Величества). Он просил китайца также уведомить меня, что обязан случаем сие сделать приятному и великодушному поступку капитана Рикорда, ибо хотя он и находился пленным, но оружие и все прочее оставалось при нем, для произвольного употребления. За это он чувствует в высокой мере благодарность и никогда не забудет как сего, так и гостеприимства и доброго обхождения русских. Надеюсь, что сей человек, рано или поздно, будет посредником открытия сообщения между двумя державами: он весьма усердно желает онаго, и всегда говорил о сем предмете с особенною прозорливостью и замечаниями, указывал на непосредственные от того выгоды для обеих сторон. В самом деле, многие из сих выгод очевидны, и ни что другое так успешно не поведет к благоденствию Сибири и Камчатки, как открытие коммерции с Японию и Филиппинскими островами, с которыми Россия может производить весьма прибыльный для себя торг. Моря, ветры, в благоприятствующие времена года и прочие способы, решительным образом указывают на предназначение сих держав к связям, какого бы рода они не были.

Такатая-Кахи было около 50 лет, среднего росту, пылкого свойства, изображавшегося в его больших, выразительных чертах, которые хотя были совершенно японские, но явственные, и можно было убедиться при первом взгляде, что он человек с великою душой. Я находил его редко унылым. Казалось, что он следовал урокам той философской секты, которая учит переносить нещастия с бодростью, и в обществе показывать в полной мере врожденное расположение к веселонравию. Он часто веселил нас, рассказывая забавные анекдоты об обычаях и обрядах Японских; причем показывал отличную остроту суждения и смеялся над странностями, порицал то, что он почитал неблагоприличным. Однажды он показывал нам экзерцицию сабли, которою управлял двумя руками с великим проворством, однако признавался, что японский образ фехтования далеко уступает нашему. Когда он увидел экзерцицию русских солдат и артиллерии, то смеялся и шутил на счет своей военной силы, которая, говорил он, в сравнении с европейскою может почисться находящеюся еще в детстве. Здесь опять нельзя не почтить японца: я никогда не встречался с китайцем, который бы имел душевную щедроту сделать такое признание, между тем, как они гораздо ниже японцев в храбрости, искусстве и во всем прочем. Артиллерия наипаче привлекла его внимание. Я должен отдать справедливость поручику Колмакову, командиру оной, что я в Камчатке видел артиллерию в совершенном порядке, которой принес бы ему честь во всякой другой части света. Малою силою нельзя покорить японцев, ибо они многочисленны, но небольшая морская экспедиция могла бы заставить их платить дань и быть в дружественных связях со своими соседями.

Ежели японцы вообще отличаются откровенностью и прозорливостью, которые я приметил в Такатая-Кахи, то они не остались бы надолго позади европейцев в науках и художествах, но пред-рассудок в пользу древних обычаев овладел их умами, и они, подобно китайцам, токмо силою могут быть преобразованы. Такатая-Кахи, казалось, совершенно предусматривал опасность, угрожающую в случае нападения на них и излагал многие немаловажные для них выгоды. Он имел самое доброе сердце и показывал дружбу или ненависть без притворства (весьма отличаясь вообще от всех азиатцев); и я был побужден верить, что приверженность, оказываемая им ко мне, была искренна, равно как и мнения его непритворны. Более всего нравилась ему мысль об открытии торговли с Россиею, и он беспрестанно заводил речь о сем предмете, как о важнейшем для обеих держав. При отъезде моем из Камчатки он изъявлял сожаление, что разлучается со мною и уверял меня в вечной дружбе, присовокупляя изъявление своего прискорбия, что преклонные лета и худое здоровье не позволяют ему сопутствовать мне в Санкт-Петербург, но просил, чтобы я не забыл с благоговением поднести меч Его Императорскому Величеству именем его.

Капитан Головин был также задержан около 13 месяцев на мысе Доброй Надежды самовольно английским адмиралом.

О славном уходе его оттуда во время шторма из-под крепости рассказывали мне в Кантоне английские офицеры, как о деле, приносящем ему великую честь. При уходе он оставил письмо, в котором изъяснил адмиралу все причины своего поступка и уверил, что он не сделал бы того, если бы адмирал выполнял свои обязательства и обещания. Не имея денег, он послал свой хронометр

к агенту в уплату. Все английские офицеры превозносили похвалами сей его поступок, и изъявляли негодование на адмирала. Я знаю капитана Головнина. Он отличный морской офицер; притом человек честный и прямодушный. Я уверен, что никто в свете более его не имеет уважения к строгому соблюдению слова; но был задержан незаконно, несправедливо, без денег, и – в самом нужном продовольствии к жизни было ему отказано, вопреки торжественным обещаниям» [1, с. 13].

В это время в Японии правил с 1780 по 1817 г. император Кокаку (1771–1840), и Такатая, как купцу, было дано право носить два меча: вакидзаси и катана, а также фамильный знак, который был расположен на кимоно и на парусах его судов.

Автор этой статьи послал запрос директору Эрмитажа М. Б. Пиотровскому о судьбе реликвий Такатая. В ответе было указано, что в связи с давностью лет, лихолетьем с 1917 г. и продажами коллекций Эрмитажа в 1930-х гг. записи о наличии реликвий-мечей Такатая не найдено.

Японская технология изготовления мечей из железа начала развиваться с VIII в. и достигла наивысшего совершенства к XIII в. Катана – длинный меч (длина клинка 61–73 см) с XV в. стал применяться как оружие для пешего боя. Вакидзаси – короткий меч (длина клинка 30,3–60,6 см) использовался как для боя в тесном помещении, так и в паре с катаной в некоторых техниках фехтования. В отличие от катаны разрешался к ношению не самураям. Танто – кинжал или нож (длина клинка < 30,3 см).

Первые железные мечи были завезены на Японские острова во 2-й половине III в. китайскими торговцами с материка. В период Асука (538–710) с помощью корейских и китайских кузнецов в Японии начали производить собственное железо, а к VII в. освоили технологиюковки многослойной стали. На рубеже VII–VIII вв. у японских мечей появился изгиб. История собственно японского меча начинается в период Хэйан (794–1185). В X в. окончательно сформировался класс самураев, прямые мечи заменили изогнутыми.

Период Камакура (1185–1333) считается золотым веком японского меча, клинки достигают своего наивысшего совершенства, которое не удалось повторить в более поздние времена. Появилась тенденция укорачивания старых мечей. Характерным вооружением самураев стала пара дайсё: меч катана и сопутствующий ему более короткий меч вакидзаси. Оба меча носили за поясом с небольшим перекрещиванием относительно друг друга.

Такатая Кахэй (1769–1827) родился в небогатой семье на о. Авадзи. В 22 года он ушел из родной деревни в Хёго и нанялся матросом, в 27 лет построил свое первое судно «Синэцу-мару» и вместе с братьями отправился на о. Эдзо (Хоккайдо), который японцы только начали осваивать.

В 30 лет Такатая открывает в Хакодате свое торговое дело, проводит торговые операции, перевозит различные товары, устанавливает морской путь из Эдо на Эдзо, заводит торговые фактории на Кунашире и Итуруп, строит верфи и спускает на воду большегрузные суда до 200 т водоизмещением. К концу его деятельности таких судов было около пятисот. Его капитаны носили синие халаты с белым гербом торгового дома Такатая, этот же герб был и на парусах судов Такатая.

В 1801 г. Такатая, за его заслуги было даровано право носить мечи и иметь фамилию, что разрешалось людям высшего сословия, он получил от правительства привилегии в торговле и нажил огромное состояние. После страшного пожара в Хакодате в 1806 г. Такатая всячески помогал нуждающимся восстановить свои дома, привозил продукты, раздавал деньги. В одном из храмов в Хакодате в честь него поставлен памятный знак.

После благополучного разрешения «инцидента Головнина» в 1813 г. Такатая получил от Сёгуна награду за заслуги, благодарственные письма от Русского правительства. Его торговые дела процветали, он открыл книжный магазин в Хакодате с филиалами в Хёго, Осаке, Эдо (Токио). В 1818 г. Такатая передал все свои торговые дела младшему брату Кимбёю и возвратился на родину в г. Госики-чо на о. Авадзи.

Умер Такатая в 1827 г., а в 1833-м его торговый дом потерпел финансовый крах, семья Такатая была обвинена в контрабанде, товары и прочее имущество конфискованы, магазины закрыты, дома сожжены.

В 1955 г. в центре г. Хакодате был установлен бронзовый памятник Такатая Кахёю на семиметровом каменном постаменте, и каждый год в конце июля перед ним проводится красочная церемония «Праздник Такатая Кахэй». Популярный писатель Рётаро Сиба написал о жизни Такатая шеститомный роман «Море цветов на-но хана», а в 2003 г. состоялась премьера 6-серийного художественного фильма о жизни и деятельности Такатая Кахэя, его пребывании на Камчатке и встречи с В. Головниным на Хоккайдо.

Родословная Такатая Кахэя

Кисиро
I
I-----I
Кимбэ (II) Кахэй (1769–1827) (I)
Гэндзаэмон (III)
Токутаро (IV)
Ёсимацу (VI)
Касити Такада (1932–2011) (VII)

Примечание: Римскими цифрами указаны лица, которым передавали права торгового дома Такатая Кахэя (I) по наследству. Какити в последующие годы своей жизни стал называться Кахэ. Какити стал приемным сыном Кимбэ, получив имя Гэндзаэмон. Прямой сын Кахэ – Ядзюро был лишен наследства.

В конце XVIII в. японцы уже прочно закрепились на Южных Курильских островах, были построены крепости, открыты торговые фактории. Кунашир уже был достаточно освоен, а до о. Итуруп было сложно добраться из-за сильного течения и противных ветров. Но уже в июле 1798 г. японский чиновник Кондо Дзюдзо вместе с прославленным японским мореплавателем Могами Токунаем высадились на берегу Итурупа и на м. Таниэмон поставили столб с надписью «Итуруп Великой Японии». На следующий год Дзюдзо вместе с купцом Такатая Кахэем, у которого были уже собственные торговые фактории на Кунашире, приступили к освоению Итурупа. К этому времени Такатая уже успел изучить наиболее безопасный маршрут на Итуруп. В 1812 г. старший офицер задержанного японцами капитана В. М. Головнина – П. И. Рикорд (1776–1855) на шлюпе «Диана» у берегов Кунашира захватил японское судно и купца Такатая.

От японца Рикорд узнал, что русские моряки живы и находятся на о. Эдзо (Хоккайдо) в г. Матсмай, и чиновники ведут допросы заключенных, помня о набегах Хвостова и Давыдова. Для получения более достоверных сведений Рикорд решил взять с собой Такатая в Петропавловск-Камчатский с условием и под честное слово, что он вернет Такатая на родину весной 1813 г. Рикорд зиму прожил с Такатая в одном доме, получил от него всевозможные сведения о Японии и, главное, советы, какие нужно собрать документы и сопроводительные письма, чтобы убедить японских чиновников поверить в невиновность задержанных русских моряков.

Весной 1813 г. Рикорд доставил Такатая к берегам Кунашира и отпустил его с письмами японским начальникам. За несколько месяцев Такатая успел убедить главных японских чиновников в невиновности Головнина, и уже в октябре 1813 г. русские моряки вернулись на Родину. Таким образом, Рикорд и Такатая сыграли решающую роль в мирном «разрешении инцидента Головнина» [2, с. 14–15].

В 1987 г. в Ленинграде президент Русского географического общества, академик А. Трешников представил друг другу потомков капитана В. Головнина и Такатая Кахэя – господина Такада Касити и Петра Головнина. В ноябре в Доме дружбы и мира с зарубежными странами в Ленинграде состоялась передача бронзового бюста В. Головнина и портрета П. Рикорда в подарок Музею Севера в Хакодате для пополнения экспозиции Головнина–Рикорда в этом музее. В 1990 г., во время своего пребывания в Рязани, г-н Такада подарил бронзовую скульптуру Такатая музею.

В 1996 г. в г. Госики-чо (позднее он в виду укрупнения был назван Сумото-сити) был открыт памятник «Такатая Кахэй – Василий Головнин».

В 1999 г. состоялась поездка Анатолия Тихоцкого (потомка П. Рикорда), Анны Тихоцкой и Петра Головнина в Японию, посетивших г. Госико-чо (родина Такатая Кахэя, часть его праха похоронена здесь, а другая часть – в г. Хакодате), Музей Севера в Хакодате. В Токио состоялась встреча с премьер-министром Японии г-ном Обути.

По ходатайству РГО в национальном парке «Налычево» на Камчатке именами Головнина, Такатая и Рикорда были названы безымянные горы.

О встречах потомков были сняты и показаны документальные фильмы: «Капитан Головнин», «Случай на Кунашире», «Прошлое, настоящее, будущее», «За Правых – Провидение!». Такие

семейные русско-японские связи стали важным вкладом в народную дипломатию и укрепление российско-японских отношений, ибо девиз герба дворянского рода Головниных «За Правых – Провидение!»

1. *Добель П. В.* Записки путешественника по Сибири // Сын Отечества. 1816. Ч. 27.
2. *Шугаева Ю.* Такатая Кахэй // Планетарий. 2005. № 3–4.

А. А. Горбач
ПОСЛЕДНИЙ МАРШРУТ
(о без вести пропавших геологах «алмазной» партии
в горах Камчатского Мыса осенью 1953 г.)

Аннотация. Данная работа входит в цикл статей по истории геологических исследований Камчатки. Материал посвящен без вести пропавшим в Усть-Камчатском районе осенью 1953 г. геологам, принимавшим участие в засекреченных работах по поискам алмазов.

Загадочное исчезновение двух геологов в горах Камчатского Мыса расследовано специально созданной поисковой партией в 1954 г., но до сих пор нет однозначных подтверждений их гибели. Автор статьи анализирует наиболее вероятные версии трагедии, начиная от природных опасностей на маршруте и заканчивая похищением диверсантами.

Ключевые слова: геологические исследования, алмазы, ультраосновные породы, поиски, пропавшие без вести, природные опасности, диверсия, отчеты, воспоминания геологов.

A. A. Gorbach
THE LAST ROUTE
(about the missing geologists of the “diamond” party in the mountains
of Kamchatka Cape in autumn of 1953)

Abstract. The work presented is a part of the series of articles on the history of geological exploration of Kamchatka. The material is devoted to the missing in Ust-Kamchatsky region geologists in autumn of 1953 who took part in a highly classified works on diamond exploration.

In 1954 specially made searching party was formed to investigate the mysterious disappearance of two geologists in the mountains of Kamchatka Cape but still there are no definite confirmations of their deaths. The author analyses the most probable versions of the tragedy starting with the natural perils of the route and ending with kidnapping by diversionists.

Key words: geological explorations, diamonds, ultrabasic rocks, searches, the missing, natural perils, sabotage, reports, recollections of geologists.

В 1953 г. в Усть-Камчатском районе проводились поиски алмазов. Засекреченные работы выполняла геолого-геоморфологическая партия № 36, руководимая Аркадием Ивановичем Юдиным. В составе «алмазной» партии находились 10 ИТР, 5 студентов Ленинградского горного университета и Дальневосточного политехнического института и 24 рабочих. Среди специалистов были мастера-обогагатели, старший лаборант и механик-рентгенолог. В своих воспоминаниях бывший начальник Камчатского территориального геологического управления (1961–1973) Вадим Михайлович Никольский пишет: «По сложившему[ся] в те годы представлению, алмазы связывались с массивами ультраосновных горных пород. Решено было начать систематическое изучение таких пород на острове Карагинском и на полуострове Камчатского Мыса на предмет выявления коренных источников алмазов и начать составление геоморфологических карт и карт рыхлых отложений вблизи массивов гипербазитов (ультраосновных пород) для поисков россыпей алмазов» [1, с. 279].

В конце сентября 1953 г. в геологической партии № 36 произошло «ЧП». Из многодневного маршрута не вернулись два геолога – Юрий Николаевич Гринченко и Юрий Георгиевич Кузнецов. Их маршрут начинался от высоты 1100,7 м, где был оставлен рабочий Сергей Григорьевич Афанасьев для проходки заданных ими канав. Далее путь шел через перевал р. Белой в истоки р. Стреми-